

Пётр I и современная историография: размышления к 350-летнему юбилею великого реформатора

Виктор Захаров

**Peter I and modern historiography:
reflections on the 350th anniversary of the great reformer**

Viktor Zakharov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722020017, EDN: FTEZAF

Этот номер журнала «Российская история» выходит в дни, когда исполняется 350 лет со дня рождения Петра I. Столь знаменательная дата не могла не стать побудительным мотивом к обмену мнениями и суждениями о деятельности Петра I и её итогах, презентации результатов изысканий, анализу современной историографии петровской эпохи. Ряд статей этого юбилейного номера посвящены актуальным проблемам истории преобразований Петра Великого. В нём нельзя не уделить внимания и общим тенденциям современной историографии времени Петра I, что стало целью настоящего очерка. Рамки статьи не позволяют рассмотреть тему в полной мере, но дают возможность коснуться вопросов, представляющихся наиболее значимыми и интересными.

Пётр I относится к числу наиболее выдающихся деятелей российской и мировой истории, масштаб его личности и свершений трудно переоценить. Внимание заслуживают уже собственно биографические параметры его жизни и деятельности. Пётр родился короткой летней ночью, в 0 часов 48 минут 30 мая (9 июня) 1672 г. в Московском Кремле¹. Он был младшим сыном царя Алексея Михайловича. В апреле 1682 г. Пётр 10-летним ребёнком вступил на российский трон и пребывал на нём вплоть до своей кончины 28 января 1725 г., приняв в 1721 г. титул императора. Уже по времени царствования (43 года) Пётр Алексеевич превосходил прочих правителей из династии Романовых, уступая из российских монархов только Ивану Грозному, правившему 51 год. Правда, Иван Васильевич принял наследие отца менее четырёх лет от роду, а шапкой Мономаха его увенчали лишь по достижении совершеннолетия, и царский титул он носил 37 лет (и здесь Пётр I в российской истории оказывается первым)². Если говорить о времени, когда Пётр реально управлял страной (с 1689 г.), то срок его пребывания у власти составил почти 36 лет. По длительности правления он находится в одном ряду с рядом европейских монархов Нового времени – королём Франции Людовиком XIV, императором Австро-Венгрии Францем Иосифом I, королевой Англии Викторией. Пока-

© 2022 г. В.Н. Захаров

¹ Анисимов Е.В. Биохроника Петра Великого (1672–1725) (URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/226713827> (дата обращения 03.03.2022)).

² Петра I венчали «шапкой Второго наряда» – копией шапки Мономаха, а оригинал достался его брату Ивану (Бобровницкая И.А. Регалии российских государей. М., 2004. С. 8).

зательно, что авторы многочисленных трудов о Петре I практически не обращают внимания на это обстоятельство. Возможно, оттого что его правление производит впечатление быстротечности, даже мимолетности происходящих событий. В сравнении с предыдущим веком у читателя и исследователя эпохи Петра возникает непреходящее впечатление, что само время в тот период пошло намного быстрее. Происходило множество событий и перемен, но могло бы произойти ещё больше, если бы хватило времени. И, оценивая правление Петра Великого, важно учесть не только то, что он успел сделать, но и то, что задумал.

Итоги и результаты деятельности Петра I, способы и методы их достижения, их мотивы в историческом сознании, как и в науке, оцениваются крайне неоднозначно. Сейчас не стоит говорить о том, насколько прав или не прав был Пётр I, нарушив самобытный ход русской истории, пытаясь привить России якобы чуждый ей «европейский» уклад жизни. Дискуссии на этот счёт имеют скорее мировоззренческий, нежели научный смысл. В современной историографии проблемы, противоречия, итоги и результаты преобразований Петра рассматриваются и оцениваются под иным углом зрения. Можно выделить два основных подхода. Многие историки, признавая крупные достижения Петра I в направлении модернизации страны, остро критикуют социальные, внутривнутриполитические последствия его реформ. Иная тенденция проявляется в сомнениях в значимости реформ Петра I и их переломном характере.

Первое направление имеет более длительную историю. Критическое отношение к социальным последствиям деятельности Петра высказали еще В.О. Ключевский и его последователи. Ключевский отмечал деспотизм власти, опираясь на который Пётр I боролся с косностью народа, надеясь водворить через «рабовладельческое дворянство» европейскую науку и народное просвещение. Но «политическая квадратура круга» совместного действия «деспотизма и свободы», «просвещения и рабства» осталась, по мнению историка, неразрешимой задачей³. Тогда же в критической плоскости возник вопрос о «цене реформ». Наиболее определённно, хотя и чрезмерно категорично, ответ на этот вопрос сформулировал П.Н. Милюков: «Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг великой державы»⁴. В советской историографии второй половины XX в. деяния Петра I оценивались выше, чем всех других российских монархов, хотя и отмечались лишения и тяготы народных масс, формирование абсолютизма, усиление крепостного гнёта.

Эти идеи суммированы и развиты в современной историографии, в том числе в обобщающих трудах Е.В. Анисимова, крупнейшего в настоящее время специалиста по истории Петра Великого, автора фундаментальных работ по истории финансов и налогов, государственного управления, а также впечатляющей серии обобщающих научных и научно-популярных работ о Петре и о его преемниках. Нельзя не отметить и составленную Анисимовым полную биографическую хронику жизни царя. В одной из недавних популярных работ учёный смоделировал спор о Петре I по основным направлениям преобразований между «почитателем» и «недоброжелателем»⁵.

³ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. IV // Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 4. М., 1989. С. 203.

⁴ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 546.

⁵ Анисимов Е. В. Пётр Первый: благо или зло для России. М., 2019.

В работах современных авторов подчёркивается противоречивость результатов реформ и отмечаются их негативные последствия. При этом Петру I воздаётся должное как великому деятелю. Подчёркивается, что многие его реформы были необходимы и полезны, при этом указывается, что царь не останавливался перед самым грубым насилием, не считался с любыми затратами и жертвами, многие его затеи оказались сомнительны, бесполезны и даже вредны. Анисимов в одной из своих недавних книг отметил, что результатом реформ Петра I стало отнюдь не благосостояние жителей страны, упрочение их прав и свобод, а усиление самодержавия, крепостничества и развитие бюрократии со всеми её пороками. Развитие экономики также выглядит противоречивым: рост промышленности и многократное увеличение количества предприятий основывалось на расширении использования подневольного труда⁶.

Подобные оценки в целом справедливы или, по крайней мере, имеют солидное обоснование. Опровергать или пересматривать их бессмысленно и контрпродуктивно. Вопрос в другом — подобная критика иногда выглядит чрезмерно односторонней и радикальной, при этом не всегда учитывается объективная ситуация, в рамках которой действовал Пётр, происходит смещение акцентов, и на второй план уходят несомненные достижения России начала XVIII в. В данном очерке я остановлюсь именно на этом.

В самом деле, стоит ли предъявлять счёт Петру I за всемерное укрепление самодержавия и крепостного строя? Это общая тенденция социально-экономической и политической эволюции страны на протяжении нескольких веков. Поддерживая этот тренд, Пётр использовал его для модернизации страны. Проблемой для России эти явления стали одно-два столетия спустя, что вызвало Великие реформы, Великую революцию 1917 г., другие впечатляющие события. Что касается бюрократии, то, абстрагируясь от негативной коннотации этого понятия, нельзя не признать, что современные государство и общество не могут существовать без профессиональных управленцев. Насколько Пётр несёт ответственность за усугубление отрицательных качеств российской бюрократии — вопрос дискуссионный.

Отмечая критический характер оценок преобразований Петра I, рассмотрим некоторые вопросы истории экономики, торговли и связанные с ними проблемы внутренней и внешней политики. Нередко подчёркивается, что преобразования начала XVIII в. тяжело сказались на положении купечества, и действия Петра Великого в области торгового предпринимательства следует рассматривать как крайне разрушительные для торгового люда. Это стало результатом резкого усиления налоговых тягот, выпавших на долю всех занятых торговлей, а также принудительных мер по отношению к купечеству, их насильственного переселения в Петербург, ограничения торговли Архангельска, насильственной организации купеческих компаний. Разумеется, всё перечисленное трудно отрицать. Очевидно, что рост налогов в условиях войны не мог не сказаться на положении купцов (это типичное следствие войн той эпохи, оно характерно для разных стран). Вопрос в том, насколько тяжёл был этот гнёт, насколько он способствовал разорению торговых людей. При этом обычно говорится о разорении купеческих фамилий и сокращении численности купцов, принадлежавших к привилегированным корпорациям. Е.В. Анисимов приводит данные

⁶ Анисимов Е.В. Пётр Великий. Личность и реформы. СПб., 2009. С. 4, 246–247, 266–271, 301–302.

А.И. Аксёнова, согласно которым в 1705 г. гостями являлись представители 27 фамилий, а в 1713 г. — только 10. По подсчётам Н.И. Павленко, из 226 купцов гостиной сотни к 1715 г. лишь 104 сохранили торги и промыслы⁷. Но неустойчивость купеческих капиталов и отсутствие длительной преемственности на протяжении поколений — характерное явление XVII—XVIII вв. Вряд ли причины этого сводятся только к росту налоговой нагрузки на начальном этапе Северной войны. И речь идёт о привилегированных купеческих корпорациях, существовавших ещё в допетровскую эпоху, а в начале XVIII в. прекративших существование, аналогично другим «чинам», возникшим до Петра I (бояре, дьяки, жильцы и проч.). При Петре практика пожалования чина «гостя» сошла на нет: известны всего три таких случая, что не могло компенсировать естественную убыль членов корпорации. Тем не менее в течение всего правления Петра I среди купечества встречались такие «чины», как «гостиный сын» и «гостиный внук», что свидетельствует о сохранении торгового дела в нисходящих поколениях привилегированного купечества. В состав гостиной сотни, второй по значению привилегированной корпорации купечества, по данным Н.Б. Голиковой в 1701—1725 гг. было включено 914 человек. Конечно, немало фамилий лишались этого статуса, но многие сохраняли преемственность. Новых фамилий появилось 177, прежних осталось 208⁸. С одной стороны, это отражает характерную для того времени неустойчивость купеческих капиталов, с другой — мы видим, что имелись предпосылки для развития деятельности купеческих семей, приходивших на место разорившихся.

Если обратиться к иным данным о развитии торговли, то, конечно, мы не увидим расцвета этой отрасли экономики, чего и трудно ждать в период столь тяжёлой войны. Но вряд ли можно говорить о разрушительных последствиях реформ Петра I для российской торговли. Б.Б. Кафенгауз, автор последнего на данный момент обобщающего труда по истории торговли начала XVIII в., констатировал, что в петровскую эпоху спад внутренней торговли наметился лишь в первые годы Северной войны. В дальнейшем, вплоть до конца правления Петра, какого-либо ослабления (как и подъёма) не наблюдалось⁹. Тем не менее именно в петровское время в связи со строительством Петербурга активизировался внутренний хлебный рынок, началась доставка хлеба из внутренних регионов на берега Невы. Этот процесс набирал обороты и в последующие десятилетия¹⁰. Внешняя же торговля, постоянно пользовавшаяся пристальным вниманием Петра I, в его правление получила новый импульс к развитию, что в первую очередь связано с выходом России на берега Балтики. Однако в исторической литературе иногда проявляется скептическое отношение к подобным переменам в России, ставится под сомнение своевременность и значимость войны со Швецией¹¹, скептически оценивается строительство Петербурга, потребовавшее огромных расходов и жертв.

⁷ Анисимов Е.В. Пётр Великий. Личность и реформы. С. 106—107.

⁸ Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998. С. 190—191, 443.

⁹ Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века (По материалам внутренних таможен). М., 1958. С. 120.

¹⁰ Jones R.E. Bread upon the Waters. The St. Petersburg Grain Trade and the Russian Economy, 1703—1811. Pittsburgh, 2013. P. 30.

¹¹ Редин Д.А. Империя Петра Великого: курс — вест, ветер встречный // Российская история. 2021. № 4. С. 15.

Выход к Балтике и основание Петербурга представляют собой настолько существенные достижения Петра I, что их нельзя оставить без внимания, по крайней мере применительно к внешнеторговой и экономической истории. Да, Швеция, к концу XVII в. господствовавшая на Балтике, вовсе не стремилась к войне, поскольку её вполне устраивала ситуация на севере Европы. Но это категорически не могло устраивать Россию. И дело не только в глобальной стратегии и военной безопасности. В эпоху раннего Нового времени всё большее значение приобретало развитие мировой торговли, становившейся чуть ли не главным источником первоначального накопления, существенным фактором процветания государств, преуспевших на этой ниве. Особенно важной становилась морская торговля, поскольку именно морские суда позволяли перевозить наибольшие объёмы товаров.

Для российского рынка, имевшего ключевое значение для товарообмена между Западом и Востоком Европы, выход к удобным морским путям имел первостепенное значение. Через Балтийское море проходил мощный товарообмен между этими регионами, и контроль над ним, а следовательно, и извлечение дохода, представляли особую важность для государства, владевшего портами. Тем более это было важно для России, так как именно российский рынок представлял собой то обширное пространство, откуда исходили массы товаров, направлявшиеся в Западную Европу. Но порты, через которые проходил этот товаропоток, находились в руках другого государства — Швеции, имевшей все возможности извлекать доходы из этого в виде пошлин и контролировать весь процесс.

Вопрос о выходе к Балтике стал актуальным для Российского государства задолго до Петра I, ещё в XVI в. он послужил одной из причин Ливонской войны. Полностью утратив выход к Балтике в ходе Смуты начала XVII в., Россия неоднократно предпринимала дипломатические и военные усилия вернуть утраченные территории и всегда встречала жёсткое сопротивление Швеции, находившейся в зените военного могущества. В течение всего XVII в. Россия стремилась развивать внешнюю торговлю на западном направлении через Архангельск. Швеция же, державшая под контролем товарооборот России через Балтику, не была в этом заинтересована, применяла всевозможные меры, чтобы перенаправить поток товаров с русского рынка в балтийские гавани¹².

По данным регистрации судов, проходивших через пролив Эресунд (Зундский), связывавший Балтийское и Северное моря, количество кораблей, вышедших из портов Восточной Прибалтики, в 1680–1690-х гг. по сравнению с предыдущим периодом существенно выросло. Если в 1660-х гг. их было 130–140 в год, то в последние два десятилетия XVII в. — регулярно превышало 400–500. В 1699 г. в западном направлении прошло 610 кораблей, большая часть которых была нагружена товарами из России. Ещё более убедительным свидетельством роста экспорта на запад через Балтику являются данные по Нарве. В последние годы XVII в. экспорт через этот порт стремительно расширился: в 1696 г. из Нарвы ушло 69 судов, в 1698 г. — 88, в 1699 г. — 139, в 1700 г. — 147¹³. Для сравнения:

¹² Kotilaine J.T. Russia's Foreign Trade and Economic Expansion in the Seventeenth Century. Windows on the World. Leiden; Boston, 2005. P. 178; Tröbst S. Handelskontrolle — «Derivation» — Eindämmung. Schwedische Moskaupolitik 1617–1661. Wiesbaden, 1997.

¹³ Пийримяэ Х.А. Тенденция развития и объём торговли прибалтийских городов в период шведского господства в XVII веке // Скандинавский сборник. Вып. 8. Таллин, 1964. С. 99–115, табл. 2. С. 105.

в Архангельск в 1693 г. прибыло 49 кораблей¹⁴. Известно, что суда, приходившие в Архангельск из Западной Европы, отличались большой грузоподъемностью, но и корабли, шедшие из Нарвы в Англию и Голландию через Зунд, тоже были не маленькими, а их количество к концу века составило более ста в год. Даже не располагая точными данными, можно уверенно говорить о стремительном развитии русского экспорта прежде всего через Нарву и другие порты Восточной Прибалтики. Следовательно, в последние годы XVII в. объективные преимущества балтийского направления торговли становились всё более очевидными, и усилия Петра I по обретению выхода к морю именно здесь выглядят своевременными и оправданными.

Уже в 1703 г. (через три года после начала войны), когда выход к морю удалось получить, на Заячьем острове в устье Невы была заложена русская крепость Санкт-Петербург. Многократно говорилось о больших жертвах, которых стоило строительство этого города на болоте. Но оказались ли напрасны эти жертвы (масштаб их пока неизвестен) и усилия? Во-первых, выход к морю следовало надёжно защитить, и строительство крепости на топких островах устья Невы было необходимо, как и возведение Адмиралтейства. А поскольку одним из главных стимулов выхода к Балтике являлись потребности развития внешней торговли, требовался большой морской торговый порт. Что касается неблагоприятных геоморфологических и гидрологических условий для строительства крепости и порта, то в истории России, осваивавшей в течение веков обширные пространства, возведение крепостей и острогов в пустынных степях, дремучей тайге, на вечной мерзлоте стало обычным делом. Здесь Россия — не исключение: вспоминается пример Венеции, Амстердама и большей части Голландии, лежащей на дне осушенного и отодвинутого дамбами моря.

Более обоснованы сомнения в целесообразности сосредоточения власти на берегах Невы и превращения Петербурга в столицу. Возможно, стоило ограничиться крепостью и портом, на что указывал ещё Н.М. Карамзин¹⁵. Но у Петра I имелись свои резоны: стремление быть ближе к зарубежной Европе, любовь к морю и флоту. Пафос обновления и идея «регулярства» требовали создания столицы заново, «с нуля», когда ничто не мешает реализовать некий идеальный план. Объясняя перенос столицы, исследователи нередко подчёркивают какую-то особую «нелюбовь» царя к Москве. На мой взгляд, негативное отношение царя к древней столице не стоит преувеличивать: подобных мыслей ни в его высказываниях, ни в письмах не звучало. Пётр I относился к Москве, как минимум, с должным почтением и уважением, ценил её историческую роль и сакральный статус. В Москве он торжественно отмечал победу под Полтавой в декабре 1709 г. (в те же дни там родилась его дочь Елизавета, царствовавшая впоследствии в Петербурге, но неоднократно и надолго приезжавшая в Москву). На рубеже 1710-х и 1720-х гг. наметились ремонт и реставрация подмосковных царских дворцов¹⁶. В 1724 г. по желанию Петра I в Московском Крем-

¹⁴ *Огородников С. Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 94; *Пийримаэ Х.А.* Торговые отношения России со Швецией и другими странами Европы по материалам нарвского ввоза в 1661–1700 гг. // Скандинавский сборник. Вып. 7. Таллин, 1963. С. 46–47.

¹⁵ *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении. М., 1991. С. 37.

¹⁶ *Евангулова О.С.* Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII в. М., 1969. С. 43.

ле в Успенском соборе состоялась коронация его супруги Екатерины – первая императорская коронация в России. В ходе реформы центрального управления 1710–1720-х гг. ряд центральных учреждений разместились в Москве, там же возникли конторы большинства коллегий. Именно при Петре I возникла редкая в мире и характерная для имперской России «двустоличность». Вплоть до 1917 г. страна официально имела две столицы.

Перемещение правительственной резиденции из средневекового центра в новый регулярный город было в эпоху Нового времени общеевропейским явлением. Так произошло, например, в Испании, когда короли перебрались из Толедо в Мадрид. В большинстве же случаев не происходило перемещения – новый регулярный город создавался на окраине старого средневекового. Так было в Париже, Вене, Берлине, Лондоне. Короли и правители не разрушали древние крепости и соборы, а возводили новые площади и проспекты рядом, на свободной территории. Париж расширялся по благоприятной «розе ветров» в западном направлении от острова Сите и Лувра к новому городу в районе Елисейских Полей, или Лондон – от Тауэра и Сити к монастырским огородам Ковент-Гардена и Вестминстера. То же произошло при Петре I в России с одной лишь разницей: средневековая часть столицы и её «регулярное» продолжение Нового времени разделяет пространство более чем в шестьсот вёрст. В этом смысле Москва и Санкт-Петербург могут рассматриваться как единый столичный центр, а перенос «резиденции» из Москвы в Петербург – как общеевропейский тренд, а не прихоть царя-реформатора.

На «двустоличность» России, возникшую при Петре, указывает и то, что официального указа о прекращении столичного статуса Москвы не было. Общим является мнение, что перемена столицы произошла без специального постановления царя, а «явочным» порядком, когда в 1713 г. двор и Сенат переместились на берега Невы. Ясность в этот вопрос попытался внести П.А. Кротов, обративший внимание, что Санкт-Петербург впервые публично объявлен столицей в «Календаре или Месяцеслове» на 1714 г. Выход календаря в свет датирован 8 мая 1714 г., а поскольку это официальное издание, то дату, по мнению автора, следует считать днём провозглашения Петербурга столичным городом¹⁷. Воздавая должное данной находке и остроумной версии, отмечу, что дата публикации календаря не идентична официальному указу или манифесту. Календарь на 1714 г. лишь отразил или зафиксировал фактическое положение дел: реальный столичный статус Санкт-Петербурга, определившийся не позднее 1713 г.

Возвратимся к внешнеторговым аспектам возникновения и первых лет существования Санкт-Петербурга. Заложив город, Пётр I, как всегда, спешил, надеялся как можно раньше увидеть реализацию своей мечты, которую А.С. Пушкин выразил строкой: «Все флаги в гости будут к нам». Первые десять лет вследствие господства шведского флота на Балтике иностранные корабли в Петербург практически не заходили. Появление голландского корабля в 1703 г., о чём не преминула сообщить первая русская газета «Ведомости», оказалось, по сути, случайным. В действительности этот корабль шёл в Ниеншанц, до самого недавнего времени принадлежавший шведам. Обстановка несколько улучшилась в 1710-х гг. В 1713 г. в Петербург впервые прибыли че-

¹⁷ Кротов П.А. 19 мая 1714 года. Загадка даты обретения Санкт-Петербургом официального статуса столицы России // Родина. 2012. № 7. С. 4–7.

тыре корабля из Англии и один из Амстердама. В 1714 г., когда русский флот одержал победу при Гангуте, только из Лондона пришло 15 кораблей, 10 — из Амстердама, а также появились суда из Испании и Франции¹⁸. В 1713 г. был отстроен и расширен после пожара новый Гостиный двор на Троицком острове¹⁹. Опираясь на эти достижения, Пётр I предпринял известные жёсткие административные меры по ограничению торговли Архангельска в пользу Петербурга. Но нужно отдать правительству должное: как только стало ясно, что эти меры преждевременны и в условиях военных действий на Балтике нереализуемы, их существенно скорректировали в сторону смягчения, так что Архангельск продолжал оставаться основным внешнеторговым портом страны вплоть до окончания Северной войны. В 1715 г. в Архангельск прибыло рекордное число торговых кораблей — 215. К концу десятилетия торговля Петербурга несколько расширилась, тем не менее в 1718 г. в Архангельске побывало 116 кораблей, в то время как в Петербурге — 52²⁰.

Тогда же в интересах развития Петербурга Пётр I издал ещё одно распоряжение, которое также можно подвернуть справедливой критике за жёсткий административный нажим. Царь распорядился принудительно переселить в Петербург знатные купеческие и ремесленные семьи ради обеспечения быстрого расцвета торговли в новой столице. Только из Москвы предполагалось переместить 90 купцов. Реализовать этот указ оказалось непросто. Кроме категорического нежелания многих переселяться в ещё необустроенный город, сказывалась нехватка средств на переселение, которое осуществлялось за счёт общин городов происхождения переселенцев. К 1718 г. в Петербурге закрепились всего трое купцов гостиной сотни, которая должна была дать наибольшее число новых жителей Петербурга²¹, — И. Стрежнев, Н. Мушников и Г. Володимиров. Вскоре они вошли в элиту купечества новой столицы. Постепенно ситуация изменилась. По мере налаживания жизни и быта в Петербурге многие ведущие купцы, как русские так и иностранцы, стали переезжать в город добровольно. По «реестру», составленному в 1719 г., в Петербурге находились уже 29 иностранных купцов²².

С 1721 г. последовала серия жёстких указов, запрещавших поставку товаров к Архангельску со всей территории страны (за исключением бассейна Северной Двины). Всё следовало везти в Петербург. Это буквально обрушило торговлю Архангельска. Пётр I, надо признать, не являлся поборником принципа свободной торговли, не соответствовавшего и даже противоречившего правилам меркантилизма, в то время естественным образом доминировавшего и в экономической политике стран Западной Европы. Он стремился всемерно развивать экспорт, и более удобный петербургский порт нужен был ему как можно быстрее. Таким образом, меры по ограничению торговли на Севере соответствовали объективному ходу событий, они только ускорили замену

¹⁸ *Захаров В.Н.* Становление торгового судоходства в Петербургском порту при Петре Великом (по данным записей о взимании Зундской пошлины) // Пётр Великий, российская власть и общество в эпоху перемен. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Юрия Николаевича Беспятых. СПб., 2019. С. 267–268, 274.

¹⁹ *Лизунов П.В.* Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). СПб., 2004. С. 28.

²⁰ *Огородников С.Ф.* Указ. соч. С. 144, 147.

²¹ *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 448.

²² РГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 63, л. 1–7.

Архангельском Петербурга как главного порта страны на западноевропейском направлении. Уже к 1725 г. по объёму товарооборота столица сравнивалась с гаванью на Северной Двине²³. Это вряд ли удалось, если бы российское купечество в результате реформ Петра I оказалось на грани разорения. Ведь именно русские купцы обеспечили контакты Петербурга с внутренним рынком, используя при этом Вышневолоцкую воднотранспортную систему, построенную при поддержке царя. Да, внешнеторговые операции петербургского порта оставались в руках иностранных купцов, но та же ситуация ранее наблюдалась и в Архангельске.

Становление и развитие петербургского порта при Петре обеспечило в дальнейшем глубокое вовлечение России в систему мирового рынка. Около половины товарооборота приходилось на Англию, но в Петербурге в течение XVIII в. в соответствии с заветами Петра расширялось и представительство купцов других стран, в том числе германских земель, Дании и Швеции, Франции, Испании, Португалии, итальянских государств, наконец Северо-Американских колоний (затем Штатов). Русские купцы также вовлекались в этот процесс: например, в 1760-х гг. их доля в товарообороте Петербурга превышала 20%, тогда как при Петре I в Архангельске и Петербурге она составляла лишь 1–2%.

Разумеется, положение русского купечества в первой четверти XVIII в. не следует идеализировать. Его судьба, как и судьбы других сословий, оказалась непростой. При Петре Алексеевиче исчезли существовавшие ранее привилегированные группы купечества. Намечалась реформа, связанная с введением гильдий в городах, что предусматривало закрепление за верхушкой купечества нового привилегированного статуса. Но на деле всё свелось к причислению купцов к плательщикам подушной подати в рамках всей городской общины. Выделение купцов как социальной группы с особыми правами и привилегиями, в том числе в сфере налогообложения, осталось заветом Петра I преемникам, реализованным Екатериной II, фактически и создавшей сословие гильдейского купечества.

В связи с этим стоит отметить, что преобразования Петра I с точки зрения замысла и исполнения можно разделить на три группы. Первая – претворённые в жизнь своевременные и необходимые меры. Вторая – мероприятия, которые внедрялись, но были отставлены или прекращены, когда стала ясна их неэффективность, невозможность или даже ненужность. Третья, и это очень важная группа, – скорее не мероприятия, а планы, сформулированные при Петре, а воплощённые его преемниками, что можно видеть не только на примере политики по отношению к торговле и купечеству, но, как можно предполагать, и в любой другой сфере петровских преобразований.

Ещё одна значимая проблема в современной историографии связана с недооценкой значимости, глубины и собственно новизны петровских преобразований. Так или иначе возникает вопрос: стало ли правление Петра началом новой эпохи? Этот вопрос обусловлен давно сложившимся мнением, что многое из того, что сделал Пётр I, имело место уже в XVII в. Действительно, во второй половине XVII в. Россия двигалась по пути преобразований, делались полез-

²³ По данным Н.Н. Репина, экспорт и импорт Петербурга в 1725 г. превзошёл товарооборот Архангельска 1710-х гг., но следует учитывать некоторый рост цен (*Репин Н.Н.* Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. Архангелогородский и Петербургский порты. Омск, 1989. С. 26, 38).

ные заимствования на Западе, проводились реформы в местном и центральном управлении, совершенствовалась армия, и деяния Петра выглядят продолжением предыдущей эпохи. Но абсолютизируя эту идею, можно прийти к выводу, что преобразования Петра I не создают значимого рубежа, открывающего новую эпоху в истории России, находятся как бы внутри процесса перемен, начавшихся ранее. Более того, в ряде работ подчёркивается, что в XVII в. процесс преобразований шёл постепенно и последовательно, перемены в области управления, социальной политики, внедрения элементов европейской культуры выглядели более многообещающими, чем поспешные и непродуманные мероприятия начала XVIII в. Пётр внёс сумятицу и неразбериху в этот планомерный процесс, пошёл на напрасные жертвы ради целей, которые и без того были бы достигнуты²⁴. Возникло даже некоторое «противостояние» специалистов по истории XVII в., склонных преуменьшать значение петровских реформ, и тех, кто изучает XVIII столетие и подчёркивает принципиальную новизну и значимость деяний Петра. Эти тенденции отмечены в статье О.Е. Кошелевой о современной историографии российской истории XVII в. По мнению исследователя, нормальному изучению истории XVII и начала XVIII в. мешает барьер, разделяющий эти века и существующий лишь в головах историков²⁵.

Стоит согласиться с выводом автора: ясность будет достигнута только при комплексном изучении второй половины XVII и первой четверти XVIII в. Но, на мой взгляд, такие исследования позволят как раз вполне определённо увидеть, что рубеж между петровской и допетровской эпохами пролегает отнюдь не только в головах историков. Чёткому обозначению рубежа между упомянутыми эпохами препятствует несколько обстоятельств. Во-первых, существует инерция исторических процессов, особенно заметная в текущей повседневности. Любой исследователь, погружавшийся в делопроизводство близко стоящих десятилетий допетровского и петровского времени, ощущает единство стиля письма и почерка, оборотов речи и практики документообмена, так что чувство какого-то существенного рубежа между эпохами стирается. Во-вторых, Пётр I и его окружение, оказавшись у власти, не имели какой-либо программы преобразований. Как отмечали историки нескольких поколений, в течение как минимум первого десятилетия XVIII в. все нововведения в финансовой, административной и военной сферах подчинялись мобилизации всех средств и ресурсов на борьбу со Швецией. Отсюда их непоследовательность, хаотичность, временный характер многих создаваемых учреждений. Со всей очевидностью это проявилось в первой губернской реформе²⁶. В-третьих, нельзя отрицать наличие существенных предпосылок преобразований Петра I, накопившихся в XVII в. И, наконец, в-четвёртых, допетровскую и петровскую эпохи объединяет общность социально-экономического и политического развития: усиление монаршей власти (формирование абсолютизма), становление крепостнической системы, подчинение Церкви государственной власти, усиление роли дворянства и иные значимые процессы. В целом изменения социального и политического строя при Петре не произошло. И если можно говорить о революции, то лишь с точки зрения средств, методов и темпов проведения реформ и насилия,

²⁴ Богданов А.П. Конец «Третьего Рима» и утверждение имперского самосознания накануне крушения Московского царства // Человек между царством и империей. М., 2003. С. 47–59.

²⁵ Кошелева О.Е. Современная отечественная историография России предпетровского времени: новые аспекты // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 1. С. 283.

²⁶ Редин Д.А. Империя Петра Великого... С. 20.

осуществляемого государством, или, как отмечал В.О. Ключевский, «по приёмам и впечатлению»²⁷.

Так где же пролегает рубеж между допетровской и петровской эпохами? Он всё же присутствует и проявляется, по крайней мере, в двух моментах. Прежде всего это целый ряд крупных новаций, завершающих процессы, шедшие с допетровского времени. Например, с исчезновением Боярской думы и упразднением патриаршей власти в Церкви ушли в прошлое последние атрибуты сословной монархии, самодержавие стало торжествовать в полной мере. С изданием указа о единонаследии и введением Табели о рангах исчезли формальные различия между родовой знатью и массой служилого дворянства. В налоговой политике власть сделала решающий шаг, чтобы объектом обложения стала личность подданного, а не «двор» или «живущая четверть». В таможенном деле произошёл принципиальный переход к введению тарифа, т.е. к обложению конкретных товаров, что открыло путь политике протекционизма. Эти и множество других значимых событий практически во всех областях политики означают завершение переходного периода и начало Нового времени.

Новизна петровского правления отнюдь не сводится к явлениям в сфере социальной и политической. Ещё более важен рубеж мировоззренческий, всегда знаменующий переход от одной эпохи к другой. Ренессанс и Реформация означали переход от Средневековья к Новому времени в Западной Европе. В России этот переход происходил в период распространения рационалистического мировоззрения, обусловившего наступление эпохи Просвещения. Пётр I решительно и последовательно руководствовался этими принципами, внедряя рационализм и «регулярство» во все сферы жизни, перестраивая на этой основе государственный аппарат (особенно с середины второго десятилетия XVIII в.), уподобляя его часовому механизму или кораблю с полным парусным вооружением. Мыслил ли до него кто-либо подобным образом? Возможно, кн. Василий Васильевич Голицын? Но он почти ничего не успел и не сумел.

О торжестве «рацио» в петровскую эпоху свидетельствуют признанные достижения культуры: практически заново была создана инфраструктура науки и светской школы (Кунсткамера, библиотеки, типографии, профессиональные школы), открылась Академия наук, положено начало научным экспедициям по России, запланирована грандиозная Камчатская эпопея В. Беринга, сняты преграды для научных и культурных контактов с зарубежной Европой. Всё это дало мощный импульс развитию просвещения в самом широком смысле, обусловив скорое вступление России в число европейских стран с наиболее высоким уровнем развития науки и культуры.

Победа в Северной войне кардинально изменила международное положение страны. Россия стала одной из ведущих держав на мировой арене. Резко расширились горизонты внешней политики. Свидетельством тому можно назвать Каспийский поход, планы проникновения в Индию, активизация контактов с Китаем, вхождение России в систему союзов в Европе. Принятие Петром I титула императора означало провозглашение России империей, каковой она, по сути, являлась с XVI в. Но Акт 1721 г. означал провозглашение империи на языке и в статусе, принятом в тогдашней Европе, которой теперь нельзя было с этим не считаться. А это опять-таки новое качество. Нельзя не сказать и о создании в России военного флота и превращении её в морскую державу.

²⁷ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 202.

Сложно сомневаться, что именно с Петра I в России началась эпоха Новой истории. Это проявляется как в завершении процессов переходного характера, начавшихся ещё в XVII в., так и в принципиально новых сдвигах в сфере культуры и внутренней и внешней политики, осуществлённых в первой четверти XVIII в. В то же время Пётр I положил начало многим процессам и изменениям в России, его преобразования следует считать началом длительного периода необратимых реформ, распространившихся на весь XVIII в. Подобный подход к пониманию истории всего столетия уже применялся исследователями²⁸, и он представляется более конструктивным, чем противопоставление деяний Петра бездействию его преемников, что также имело и имеет место в исторической мысли. В самом деле XVIII в. — это век реформ, открывающийся преобразованиями Петра I, которые оказали глубокое воздействие на дальнейшее развитие страны вплоть до нашего времени. В этом и следует видеть главную заслугу великого юбиляра.

²⁸ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М., 1999.